

**Андрей Анатольевич
ШУЛАКОВ,**

доцент кафедры
международного
частного права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

docent-law@rambler.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Позитивная оговорка о публичном порядке — основа защиты конституционно значимых ценностей государства¹

Аннотация. В статье отмечается, что цель и механизм защиты публичного порядка в международном частном праве могут быть уяснены только у истоков обоснования этой защиты — в доктрине Ф. К. Савиньи. Указываются причины формулирования Ф. К. Савиньи только двух исключений вытеснения иностранных законов местным правом и характеристики закрепления этих правил ст. 30 Вводного закона к ГГУ. Анализируются попытки неверного толкования доктрины Ф. К. Савиньи после принятия Римской конвенции «О праве, применимом к контрактным обязательствам» (1980) и решение Суда ЕС (2016), давшее окончательную оценку этим попыткам. Отмечается влияние голландской школы на современное международное частное право России. Исследуется закрепление сверхимперативных норм в законодательстве России и Нидерландов. Установлено, что первая группа норм непосредственного применения ст. 1992 ГК РФ, на сверхимперативность которых в частных трансграничных правоотношениях прямо указывает законодатель, имеет в соответствии с теорией международного частного права не материальный, а коллизионный характер. Дается определение сверхимперативных норм законодательства РФ, обеспечивающих защиту конституционно значимых ценностей государства.

Ключевые слова: концепция Савиньи, международное частное право, последствия, публичный интерес, публичный порядок, сверхимперативные нормы, добрые нравы, позитивная оговорка, негативная оговорка, конституционно значимые ценности.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.128-137

Andrey A. SHULAKOV,

Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
docent-law@rambler.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Positive Clause on Public Order is the Basis for the Protection of Constitutionally Significant Values of the State

Abstract. *The article notes that the purpose and mechanism of protection of public order in private international law can be understood only at the origins of the rationale for this protection, — in the doctrine of F. K. Savigny. The reasons for the formulation of F. K. Savigny only two exceptions to the displacement of foreign laws by local law, and the characteristics of fixing these rules in Art. 30 of the Introductory Law to the GGU. Analyzed are attempts to misinterpret the doctrine of F. K. Savigny after the adoption of the Rome Convention “On the law applicable to contractual obligations” (1980) and the Decision of the EU Court (2016), which gave a final assessment of these attempts. The influence of the Dutch school on modern international private law in Russia is noted. The consolidation of super-imperative norms in the legislation of Russia and the Netherlands is investigated. It has been established that the first group of norms of direct application of Art. 1992 of the Civil Code of the Russian Federation, the super-imperative nature of which in private cross-border legal relations is directly indicated by the legislator, has, in accordance with the theory of private international law, not a material, but a conflict character. The definition of super-imperative norms of the legislation of the Russian Federation, which ensure the protection of the constitutionally significant values of the state, is given.*

Keywords: *Savigny’s concept, private international law, consequences, public interest, public order, super-imperative norms, good morals, positive clause, negative clause, constitutionally significant values.*

I. Ф. К. Савиньи о цели и механизме защиты публичного порядка в международном частном праве

Цель и механизм защиты публичного порядка в международном частном праве (МЧП) могут быть уяснены только у истоков обоснования этой защиты — в доктрине Ф. К. Савиньи (1779—1861)².

Основатель современного международного частного права Ф. К. Савиньи отмечал, что *принцип правил коллизии*, обеспечивающий применение закона иностранного государства, должен быть ограничен судьей в отношении определенных

² Savigny F. C. von. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 8. Berlin, 1849. S. 32—38.

типов (иностранных) законов двумя исключительными случаями вытеснения иностранных законов местным правом. Отметив, что эти случаи представляют собой самую сложную проблему всего учения, Савиньи также указал на то, что стороны могут следовать только убедительным ее решениям, поскольку «неверная их трактовка в доктрине мешает их единодушному признанию. Я постараюсь, — скромно отметил Ф. К. Савиньи, — свести указанные исключения к двум случаям»³.

Первый случай — когда иностранные законы противоречат специальным строго позитивным императивным нормам страны суда. Для выделения этих норм из всего блока императивных норм позитивного права Ф. К. Савиньи привел их характеристики: специальные строго позитивные императивные нормы должны быть основаны на *целях, соображениях публичного блага (publica utilitas)*, имеющих *политический, социальный или экономический характер*⁴.

Таким образом, ученый из всего многообразия императивных норм выделил важнейшие для государства императивные нормы, которым судья обязан следовать даже тогда, когда коллизионная норма указывает на применение иностранного права. Следует отметить, что односторонние коллизионные нормы и образованные из них двусторонние императивные коллизионные нормы изначально вытекают из целей публичного блага, из важнейших публичных интересов государства (например, закон места нахождения вещи и др.).

При нехватке подобных норм либо при получении результата, несовместимого с публичным порядком при применении коллизионных норм, судья должен обращаться к указанным Ф. К. Савиньи важнейшим строго позитивным (сверхимперативным) материальным нормам, не рассчитанным специально на трансграничный случай. В содержании этих норм отсутствует иностранный элемент, они основаны на соображениях общего, публичного интереса, имеющего политический, экономический или социальный характер. Указанные сверхимперативные материальные нормы Л. Раапе назвал «скрытыми коллизионными нормами»⁵.

Второй случай — неизвестные и (или) аморальные иностранные правовые институты, не могущие в силу этого получить правовую защиту в стране суда⁶. Неизвестные и (или) аморальные иностранные правовые институты — это институты, в отношении которых никаких норм в писаном (позитивном) праве страны суда попросту нет. В связи с этим для вытеснения неизвестных и аморальных иностранных правовых институтов судья обязан применять неписанные социальные нормы — нормы добрых нравов (нормы морали, обычаев, традиций и т.д.).

³ Savigny F. C. von. Op. cit. S. 33. Великий ученый оказался провидцем — неубедительное установление исключений из коллизионного регулирования в Римской конвенции 1980 г., как будет показано ниже, привело к непризнанию этих исключений целым рядом стран.

⁴ «Если закон нашего государства исключает полигамию, наш судья также должен отказаться в правовой защите полигамному браку тем иностранцам, чье национальное законодательство его разрешает» (Savigny F. C. von. Op. cit. S. 36).

⁵ Раапе Л. Международное частное право. М. : Иностранная литература, 1960. С. 103.

⁶ Рабство, отмечал Ф. К. Савиньи, — институт неизвестный и аморальный немецкому праву. Гражданская смерть по французскому или российскому праву — неизвестный, но не аморальный институт (Savigny F. C. von. Op. cit. S. 37—38).

Таким образом, защитный правовой арсенал, используемый судьей для вытеснения иностранного права, в первом случае — сверхимперативные материальные нормы, во втором случае — нормы добрых нравов.

Германское гражданское уложение сохранило концепцию Ф. К. Савиньи о двух исключительных случаях вытеснения иностранного права. В статье 30 Вводного закона к ГГУ (1896—1986) были установлены *два ограничения принципа правил коллизии*, определенные ученым: «Применение иностранных законов исключается, если их применение противоречило бы добрым нравам или цели германского закона». Эти два ограничения действовали только тогда, когда «иностранное нормы могли породить последствия, не совместимые с целью, которую преследует германская юридическая норма», либо тогда, когда «иностранное нормы в случаях их применения порождали последствия противные добрым нравам»⁷.

Таким образом, оба эти исключения из коллизионного регулирования срабатывали *только по последствиям*, не совместимым с интересами германского публичного порядка. Автор известных в МЧП афоризмов Лео Раапе дал образные, яркие названия двум исключениям Ф. К. Савиньи, закрепленным в ст. 30 Вводного закона к ГГУ. Та часть ст. 30, «которая отвергает иностранную правовую норму по признаку ее противоречия цели германского закона» в силу того, что она опирается на наше позитивное право, была названа Л. Раапе позитивной (нем. *positiv*), или наступательной, оговоркой; другая часть ст. 30, исключающая применение аморального иностранного закона ввиду противоречия его добрым нравам, — оборонительной, или негативной» (нем. *negativ* — отрицательной), оговоркой⁸. С легкой руки Л. Раапе указанные названия-метафоры прижились и вошли в теорию международного частного права в качестве позитивной и негативной оговорок⁹.

II. Попытки опровергнуть указанные Ф. К. Савиньи два исключения, вытесняющие иностранное право

Попытки опровергнуть указанные Ф. К. Савиньи два исключения, вытесняющие иностранное право, появились после закрепления в Римской конвенции «О праве, применимом к контрактным обязательствам» (1980), помимо ст. 16 («Публичный порядок»), также ст. 7 («Императивные нормы»). Возникшая сразу же в ученом мире дискуссия основывалась главным образом на разделении механизма защиты публичного порядка на эти две статьи¹⁰ и стала возможна только по одной

⁷ Цит. по: *Вольф М.* Международное частное право. М. : Иностранная литература, 1948. С. 98—99.

⁸ *Раапе Л. С.* Указ. соч. 98—99.

⁹ В российской правоприменительной практике указано, что защитные средства ст. 1193 ГК РФ (негативная оговорка) включают основы морали, главные религиозные постулаты, традиции, сформировавшие российское гражданское общество.

¹⁰ Такая законодательная техника позволила одной группе ученых считать, что публичный порядок, «являющийся выражением самых общих морально-этических, социально-экономических и политических принципов, лежащих в основе правовой системы государства» сохранился только в ст. 16 Римской конвенции, содержащей оговорку о публичном

причине — в ст. 7 (1) Конвенции отсутствовали признаки императивных норм, определенные Ф. К. Савиньи (соображения публичного блага, имеющие политический, социальный или экономический характер). Отсутствие в ст. 7 (1) Римской конвенции (1980) признаков сверхимперативных норм, указанных Ф. К. Савиньи, фактически открыло путь применения в рамках этой статьи любых имеющихся в законодательстве императивных норм.

Основной недостаток новой теории заключался в том, что ее приверженцы (T. G. Guedj, Y. Loussouran, P. Bourel и др.), помимо обоснованных Ф. К. Савиньи двух исключений иностранного права, защищающих важнейшие ценности публичного порядка страны суда, соорудили еще одно — *третье исключение*, «направленное на достижение конкретных целей и результатов более “низкого”, *оперативного уровня значимости*». Такая трактовка ст. 7 (1) Римской конвенции (1980) привела к увеличению числа случаев вытеснения иностранного права, т.е. к ситуации, о которой предупреждал Ф. К. Савиньи, — к непризнанию сторонами неубедительных исключений из коллизионного регулирования¹¹.

Окончательная точка в споре была поставлена Генеральным адвокатом Суда ЕС М. Шпунаром в заключении по делу C-135/15 (Греческая Республика v. Григориос Никифоридис) от 20.04.2016. Суд ЕС указал на то, что ст. 7 (1) Римской конвенции (1980), касающаяся императивных норм, имеющих преимущественную силу в иностранных государствах, была новаторским положением, но весьма спорным. В пункте 68 заключения (Overriding mandatory provisions and public policy) отмечено, что «пристальное изучение происхождения преобладающих императивных положений показывает очень тесную их связь с идеей защиты в оговорке о публичном порядке».

В этом отношении, отметил М. Шпунар, достаточно сослаться на вывод, сделанный Ф. К. Савиньи. Тем самым Суд ЕС подтвердил и позицию стран, отказавшихся от применения ст. 7 (1) Римской конвенции, и точку зрения известных ученых старой школы — Г. К. Дмитриевой, D. Kokkini-Iatridou, P. Lalive, G. Parra-Aranguren, M. Rubino-Sammartano и др., придерживающихся сложившегося со времен Ф. К. Савиньи взгляда на защитные оговорки о публичном порядке¹².

порядке, а императивные нормы ст. 7 Конвенции (в российской доктрине — сверхимперативные нормы, нормы непосредственного применения) «направлены на достижение конкретных целей и результатов более “низкого”, оперативного уровня значимости для соответствующего государства», «безразличны» к содержанию иностранного права (Guedj T. G.), не требуют анализа последствий применения иностранного права» (Loussouran Y., Bourel P.). (Жильцов А. Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже (императивные нормы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 61—65).

¹¹ Ряд ведущих стран ЕС (ФРГ, Великобритания, Португалия и др.), указав на «неточность» ст. 7 (1), «приводящую к чрезмерным дискреционным полномочиям», использовали оговорку ст. 22 (1) относительно неприменения ст. 7 (1) Римской конвенции (Opinion of Advocate General Szpunar delivered on 20 April 2016. Republik Griechenland v Grigorios Nikiforidis. Request for a preliminary ruling from the Bundesarbeitsgericht. (79). C-135/15) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a62015cc0135> (дата обращения: 09.06.2023)).

¹² Заключение Генерального адвоката Суда Европейского союза М. Шпунара по указанному делу было подтверждено решением Большой палаты Суда ЕС 18.10.2016 (п. 6,

Таким образом, возникшая в Европе новомодная теория о третьем исключении из коллизионного регулирования прекратила свое существование там же по решению Суда ЕС¹³ (далее — Решение). В целом указанное Решение Суда ЕС в заключении по делу C-135/15 можно свести к двум важнейшим постулатам.

Во-первых, публичный порядок в соответствии с концепцией Ф. К. Савиньи защищается с помощью позитивной и негативной оговорок, основанных на одних и тех же соображениях публичного интереса, указанных в п. (37) преамбулы и п. 1 ст. 9 Регламента «Рим I» (п. 68 Решения). Этот вывод Суда ЕС полностью нивелирует точку зрения (T. G. Guedj, Y. Loussouran, P. Bourel и др.), по которой только оговорка о публичном порядке (негативная оговорка) направлена на защиту фундаментальных интересов и ценностей, на которых основывается жизнь государства, а оговорка о сверхимперативных нормах (позитивная оговорка) может на них не основываться.

Во-вторых, нельзя априори составить каталог сверхимперативных норм (преобладающих императивных положений). Сфера применения таких положений не вытекает непосредственно из их формулировок. Это означает, что суд, разрешающий конкретное дело, решает их применить не заранее, т.е. до определения применимого права, выбирая их из каталога (перечня) сверхимперативных норм, а с учетом каждого конкретного случая (п. 72, 73 Решения). Указанный Судом ЕС вывод отвергает точку зрения (Y. Loussouran, P. Bourel и др.), согласно которой обращение к сверхимперативным нормам происходит еще до того, как будет установлен компетентный правопорядок. Попытки дать перечень (каталог) сверхимперативных норм и в отечественной (Л. А. Лунц), и в зарубежной доктрине «признавались наивными»¹⁴. По этой же причине, как указывалось выше, в немецкой доктрине Л. Раапе называет сверхимперативные нормы «скрытыми коллизионными нормами»¹⁵.

III. Влияние голландской школы на современное международное частное право России

Установленные в п. 1 ст. 9 Регламента ЕС «Рим I» (2008) признаки сверхимперативных норм, указанные Ф. К. Савиньи, получили закрепление в европейском законодательстве по международному частному праву. Первым правовым актом, закрепившим данное положение, был Гражданский кодекс Нидерландов, книга 10 «Международное частное право» (Закон от 19.05.2011). Этот правовой акт был разработан под руководством заместителя председателя Верховного суда Нидер-

41, 43). Document 62015CJ0135. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 18 October 2016. Republik Griechenland v. Grigorios Nikiforidis. Case C-135/15). См.: *Edoardo Avato, Matteo Winkler*. Reinforcing the Public Law Taboo: A Note on Hellenic Republic v Nikiforidis // *European Law Review*, 2018, 43(4). P. 569—582 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3251352 (дата обращения: 09.06.2023).

¹³ Opinion of Advocate General Szpunar delivered on 20 April 2016. (4).

¹⁴ Лунц Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. М., 2002. С. 271.

¹⁵ Раапе Л. Указ. соч. С. 103.

ландов и королевского комиссара по подготовке ГК Нидерландов В. Снайдерса (Wouter Snijders; 1928—2020).

Значение вклада В. Снайдерса не только в голландское, но и в российское гражданское право сложно переоценить. Руководитель рабочей группы по подготовке проекта ГК РФ А. Л. Маковский (1930—2020) отмечал, что разработка российского Гражданского кодекса на протяжении почти 15 лет проходила в постоянных консультациях с голландскими коллегами, главную роль среди которых играл судья В. Снайдерс¹⁶. Книга 10 «Международное частное право» ГК Нидерландов была принята в 2011 г., т.е. значительно позже раздела VI ГК РФ («Международное частное право»). В рамках темы данного исследования особого внимания заслуживает ст. 10:7 ГК Нидерландов «Применение преобладающих императивных положений», установившая в трех пунктах:

— понятие сверхимперативных норм (преобладающих императивных положений), базирующихся на защите публичных интересов государства, определяющих его политическую, социальную или экономическую организацию;

— механизм применения сверхимперативных норм Нидерландов, основанный на сравнении этих норм с правом, к которому отсылает коллизийная норма (иностранное право игнорируется в той мере, в какой результат (последствия) применения иностранной правовой нормы может нанести ущерб публичным интересам Нидерландов);

— общую формулу применения сверхимперативных норм, тесно связанных с отношением (принимаются во внимание характер и цель этих положений, а также последствия, которые могут возникнуть в результате применения или неприменения этих положений)¹⁷.

Правила о сверхимперативных нормах в современном европейском законодательстве по международному частному праву построены по образцу, предложенному в ст. 10:7 ГК Нидерландов. Определение сверхимперативных норм в этом законодательстве базируется на публичных интересах, закрепляющих три фундаментальные основы организации государства: политическую, социальную и экономическую, т.е. на признаках, установленных Ф. К. Савиньи¹⁸.

Сравнительный анализ формулировок о сверхимперативных нормах законодательства России и более позднего законодательства Нидерландов, послужившего образцом для ряда стран, показывает два основных отличия:

¹⁶ «Сегодня во многих десятках, а то и сотнях статей российского ГК, можно при желании найти отзвук добрых и ценных советов наших голландских друзей. Особенно важной для нас оказалась помощь голландских юристов в той части пути, которая была новой и малоизвестной для кодификации гражданского права не только России, но и самих Нидерландов и других стран. Речь идет о включении в российский ГК международного частного права (раздел VI)» (Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922—2006). М. : Статут, 2010).

¹⁷ Dutch Civil Code // URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook01010.htm> (дата обращения: 09.06. 2023).

¹⁸ См.: Закон о МЧП Черногории (2013). Ст. 10 ; Закон о МЧП Хорватии (2017). Ст. 13 ; Закон о МЧП Северной Македонии (2020). Ст. 13 ; проект закона о МЧП Сербии (2014). Ст. 40.

1) статья 1992 ГК РФ (в отличие от ст. 10:7 ГК Нидерландов) не дает как легального определения сверхимперативных норм, так и механизма применения сверхимперативных норм РФ, основанного на сравнении их с правом, к которому отсылает коллизийная норма;

2) и в ГК Нидерландов, и в другом современном европейском законодательстве по МЧП нет деления сверхимперативных норм на две группы, как в п. 1 ст. 1192 ГК РФ, где к первой группе относятся конкретные императивные материальные нормы, на сверхимперативность которых в частных трансграничных правоотношениях прямо указано законодателем, а ко второй группе — нормы, сверхимперативность которых для указанных отношений определяет уже не законодатель, а правоприменитель¹⁹.

Европейский законодатель в соответствии с учением Ф. К. Савиньи относит к специальным строго позитивным императивным нормам (сверхимперативным нормам), не входящим в «коллизийный принцип» (коллизийное регулирование), только те нормы, которые определяет суд в каждом конкретном случае. Формулировки этих сверхимперативных норм не рассчитаны законодателем специально на трансграничный случай, иностранный элемент в них отсутствует.

Что же это за императивные материальные нормы, на сверхимперативность которых в частных трансграничных правоотношениях (отношениях с иностранным элементом), прямо указано законодателем в п. 1 ст. 1192 ГК РФ? Почему такой вид сверхимперативных материальных норм не установлен в зарубежном законодательстве? В отечественной доктрине и практике в качестве наиболее яркого примера сверхимперативной материальной нормы (нормы непосредственного применения), специально установленной законодателем для трансграничного случая, указывается материальная норма п. 2 в ст. 414 КТМ РФ²⁰.

В данном случае материальная по форме норма фигурирует в статье с коллизийным названием. Это материальная или коллизийная норма? Как отделить коллизийную норму от нормы материально-правовой? Ответ на этот вопрос дается и в зарубежной (Э. Цитильман, Л. Раапе²¹), и в отечественной (В. М. Корецкий, В. П. Звеков²²) доктрине. В. М. Корецкий, ссылаясь на Э. Цитильмана, указывает: «Для установления разграничения между материальным правом и конфликтным необходимо обращаться не к непосредственному содержанию

¹⁹ Развернутую характеристику этих двух групп сверхимперативных норм в отечественной доктрине дает, в частности, В. А. Канашевский. (Канашевский В. А. Международное частное право : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Международные отношения, 2019. С. 152—171).

²⁰ Например, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» установлено: «В силу прямого указания закона к числу норм непосредственного применения относятся положения пункта 2 статьи 414 КТМ РФ».

²¹ Комментируя абзац II ст. 7 Вводного закона к ГГУ (редакция 1957 года), Л. Раапе отмечает, что коллизийная норма всегда «имеет в виду “пограничный” случай и решает последний путем указания правопорядка, который подлежит здесь применению» (Раапе Л. Международное частное право. С. 16, 570).

²² Звеков В. П. Международное частное право : курс лекций— М., 1999. С. 29.

нормы и не к форме ее выражения, а исключительно к цели, которую преследует норма. Если норма имеет целью определить прежде всего границы господства собственного права, она коллизионная норма; если же норма применяется в силу уже существующей другой нормы таким образом, что разграничение господства уже дано, она — норма материального права».

Случаи переплетения материально-правовых и конфликтных приемов в одной норме, отмечает В. М. Корецкий, происходят по той причине, что «различие видят не в регулируемых этими нормами отношениях, а только в приемах регулирования, неудивительно, что законодатель при регулировании одних и тех же отношений не всегда выдерживает логическую чистоту расщепленных технических приемов»²³.

Таким образом, правило п. 2 ст. 414 КТМ РФ является ярким примером, когда «законодатель при регулировании одних и тех же отношений в этой норме не выдержал логическую чистоту расщепленных технических приемов». Во-первых, *коллизионная цель* прямо заявлена в названии ст. 414 КТМ «Определение права, подлежащего применению...». Во-вторых, не только название статьи, но и сама формулировка правила п. 2 ст. 414 КТМ свидетельствует о том, что это коллизионная норма, т.е. норма, рассчитанная на трансграничный (пограничный, по Л. Раапе) случай.

Материально-правовой формат нормы п. 2 ст. 414 КТМ без ущерба ее содержанию можно переформулировать в формат коллизионный²⁴. Следует отметить, что не только норма п. 2 ст. 414 КТМ РФ, но и другие сформулированные подобным образом нормы, относящиеся «в силу прямого указания закона к числу норм непосредственного применения», имеют коллизионный характер.

Таким образом, специально установленные в законодательстве нормы трансграничного (пограничного) характера, т.е. нормы, указывающие, во-первых, на наличие иностранного элемента и, во-вторых, имеющие целью определить прежде всего границы господства собственного права, являются по этим двум признакам нормами коллизионными, несмотря на юридическую технику.

По уже сложившейся в России традиции в качестве образца (эталона) закрепления сверхимперативных норм можно использовать правила, установленные в трех пунктах ст. 10:7 ГК Нидерландов. Эти правила должны учитывать и отечественную специфику. В частности, понятие сверхимперативных норм с учетом определения Конституционным Судом РФ важнейших публичных интересов как

²³ Корецкий В. М. Очерки международного хозяйственного права. Харьков, 1928. С. 93.

²⁴ Например: «Стороны договора, предусмотренного настоящим Кодексом, могут при заключении договора или в последующем *выбрать по соглашению между собой только такое право*, которое не может повлечь за собой устранение или уменьшение ответственности, которую в соответствии с настоящим Кодексом перевозчик должен нести за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки». Либо: «Если согласованное сторонами право может повлечь за собой устранение или уменьшение ответственности, которую в соответствии с настоящим Кодексом перевозчик должен нести за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки, *применяется российское право*».

конституционно значимых ценностей (п. 3 ст. 55 Конституции РФ) может быть сформулировано следующим образом: «Сверхимперативные нормы — императивные нормы законодательства РФ, имеющие своей основной целью защиту публичных интересов (конституционно значимых ценностей), обеспечивающих фундаментальные политические, социальные или экономические основы государства и в связи с этим применяемые к любым отношениям, подпадающим под их действие, независимо от подлежащего применению права».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вольф М.* Международное частное право. — М., 1948. — 702 с.
2. *Раале Л.* Международное частное право. — М. : Иностранная литература, 1960. — 607 с.
3. *Savigny F. C. von.* System des heutigen Römischen Rechts. — Bd. 8. — Berlin, 1849. — 540 s.

